

УДК 8.82-3

СТАНОВЛЕНИЕ ЭПИЧЕСКОГО В «СЕВАСТОПОЛЬСКИХ РАССКАЗАХ» Л.Н. ТОЛСТОГО

Е.А. Масолова

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, 630073, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено формирование эпического мироощущения в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого.

При анализе соотношения абзацев в «Севастополе в декабре» автор статьи утверждает, что эпическое в первом очерке заключается в оправдании военных действий, направленных на защиту родины. Раскрыто «взросление» повествователя, осознание им всего происходящего как событий эпического масштаба. Говорится о том, что в первом очерке эпическое начало превращает всех защитников города в высоких эпических героев; временная утрата веры в единение людей уступает место слиянию с «мы». В начале очерка народ – люди, находящиеся в городе, в конце очерка народ – неделимая масса защитников города; в первом абзаце очерка война исключает гармонию, в последнем абзаце доминирует мирная жизнь.

В «Севастополе в мае» ставится проблема несоответствия человека эпическим образцам и выдвигается единый критерий оценки людей; «диалектика души» второго очерка объединяется с высокой эпической настроенностью героев первого очерка. Делается вывод, что людей объединяет и высокое героическое, и негативное.

В «Севастополе в августе» раскрыта сложность преобразования человека, приходящего к эпическому мироотношению. Первые две главы очерка трактуются как экспозиция, представляющая Михаила и солдат. Выявлено, что в очерке 8 микроциклов, состоящих из трёх глав, связанных по принципу контраста/параллелизма или объединяющей людей ситуацией. В первом микроцикле человек становится трусом, во втором – он преодолевает страх; в третьем – доминирует страх, а в четвёртом микроцикле Володя побеждает страх; в 5 микроцикле каждому даётся шанс стать героем; в шестом – Володя не приемлет лжи офицеров; в седьмом микроцикле ему становится спокойно среди солдат; в восьмом микроцикле оба брата героически умирают. Природа, как и защитники города, протестует против сдачи Севастополя врагу; мужественная непреклонность в поражении сильнее стойкости солдат первого очерка.

Автором делается вывод о «трёхфазности» художественного мышления Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: эпическое начало, несоответствие эпическим образцам, общенациональное единение, микроциклизация, роль природы

Произведения Л.Н. Толстого неизменно находятся в центре внимания учёных. Работы исследователей Казанского университета вносят особый вклад

в толстоведение. Так, одна из интереснейших монографий о раннем творчестве Толстого принадлежит Т.С. Карловой [1]. Вопросами жанрового многообразия произведений Толстого занимается Б.И. Колмаков [2]. Влияние Толстого на развитие татарской литературы выявляет О.Х. Кадыров [3–4]. Монография Е.Г. Бушканца [5] о казанском периоде жизни Толстого – важная веха в развитии отечественного литературного краеведения. Большой вклад в изучение раннего творчества Л.Н. Толстого сделан и другими учёными: Б.М. Эйхенбаумом [6], Г.В. Красновым [7], Ю.В. Лебедевым [8].

К раннему творчеству Толстого, в первую очередь к «Севастопольским рассказам» (1855), представляющим «лабораторию» формирования эпического мироотношения и художественных способов его воплощения, по-прежнему обращаются многие учёные. В Казани регулярно проводятся конференции, посвящённые дороманному творчеству Л.Н. Толстого (см. [9, 10]). Литературоведы XXI в. сопоставляют воплощение темы Крымской войны в творчестве Толстого и в современной ему публицистике; проводят параллели между прозой Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева, М.М. Филиппова, И.С. Шмелёва, М.А. Осоргина и др., интерпретируют толстовскую концепцию войны, мира и патриотизма; конкретизируют типологию героев, мотивацию их поведения, своеобразие национального характера, иронию автора; изучают аудиальную картину мира, логику колоризма, ольфакторный код.

Г.А. Лескис определяет «Севастопольские рассказы» Толстого как уникальный в жанровом отношении триптих, где каждая часть и имманентна, и связана с двумя другими [11, с. 157–158]. Н.Ж. Ветшева выявляет, что в «Севастополе в августе 1855 года» «усиливается жанровая ориентация на повесть» [12, с. 119]. Говоря о жанровой модификации произведений Л.Н. Толстого, вставшего на путь создания эпических полотен, Н.И. Бурнашева убедительно доказывает, что «Севастопольские рассказы» приближаются к роману [13].

Анализируя воплощение темы смерти в «Севастопольских рассказах», Ю.В. Гридунова подчёркивает, что герои Толстого относятся к смерти в традициях русского склада сознания, воспринимая её как естественный итог земного человеческого бытия; бессознательную твёрдость духа защитников Севастополя исследователь связывает с победой над смертью и полагает, что характерное для русского человека обострённое чувство русской земли проявляется в любви толстовских героев к жизни и родине [14, с. 142–144]. В каждом герое Толстого, по мнению Гридуновой, живёт православное чувство соборности [14, с. 146], отсюда встаёт вопрос об общности русского, толстовского и мирового космизма.

А.С. Кондратьев интерпретирует «Севастопольские рассказы» в религиозно-философском плане. Л.Н. Толстой, как считает Кондратьев, стремясь к целостному бытию в исполнении воли Бога, понимает человека как взаимопроникновение трёх уровней его природы, являющихся проекций Божественной Троицы: 1) души, интуитивно-эмоционально воспринимающей движение мира, 2) сознания, определяющего принципы становления человеческой судьбы, и 3) подсознания, соприродного одухотворённому Всемирному началу [15, с. 74].

Говоря о том, что в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого лежит идея всеобщего единения людей на началах добра, справедливости и любви, Ю.И. Парахин и Е.Ю. Парахина ставят акцент на наличии эпопейных основ

художественного мышления писателя [16, с. 128] и отмечают, что оборотной стороной отрицания войны в военных рассказах Толстого является «эпический пафос жизнеутверждения, связанный с глубокой верой писателя в возможность единения людей, в возможность гармонического согласия между ними» [16, с. 129]. Предельно яркое выражение идеи эпического единения людей проявляется, согласно Ю.И. Парахину и Е.Ю. Парахиной, в «Севастополе в декабре месяце», где Толстой запечатлел «атмосферу субстанциального “эпического мирового состояния” (Гегель), которой сопричастны его герои» [16, с. 132]. Эпичность «Севастополя в мае» Ю.И. Парахин и Е.Ю. Парахина видят в том, что почти ко всем действующим лицам Толстой применяет «диалектику души», базирующуюся на эпической основе [16, с. 178].

Настоящая работа отражает предпринятую нами попытку выявить обретенное эпическое мироощущение в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого. Пристальное внимание к композиции очерков и анализ роли природы в произведении позволяют нам сделать вывод о специфике художественного мышления писателя.

Севастополь в декабре месяце

В очерке «Севастополь в декабре месяце» чередуются утраты веры в общенациональное единение и периоды спасительного единения с «мы», доминирует приобщение к эпическому общенациональному началу.

Начало очерка состоит из четырёх компонентов, отделённых друг от друга точкой с запятой: *Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; тёмно-синяя поверхность моря сбросила с себя уже сумрак ночи и ждёт первого луча, чтобы заиграть весёлым блеском; с бухты несёт холодом и туманом; снега ещё нет – всё черно, но утренний резкий мороз хватается за лицо и трещит под ногами, и далёкий неумолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра* (Л. Т., с. 3).

В рамках одного высказывания соединяются семантически разноплановые компоненты:

- утренняя заря;
- тёмно-синяя поверхность моря, ждущая первого луча солнца;
- холод;
- туман;
- утренний резкий мороз;
- гул моря;
- редкие выстрелы в городе.

В «мирной» половине высказывания налицо семантическое ожидание гармонии; «военная» часть вселяет тревогу и напряжённость: холод, туман и резкий мороз не дают солнцу *заиграть весёлым блеском; раскатистые выстрелы в Севастополе* исключают возможность мирной жизни и всеобщего единения.

Смена видовременных форм глагола внутри высказывания сообщает повествованию внутренний драматизм. Глаголы настоящего времени несовершенного вида (*несёт, хватается, трещит*) передают процесс, связанный с описательностью; в этой картине нет развития и кардинального изменения действительности

и актуализации проспективной функции начала высказывания; вторая часть высказывания нацелена на утверждение безысходности и дисгармонии.

Второй абзац очерка полемичен по отношению к первому: людей в Севастополе объединяет свой, пока ещё скрытый от понимания повествователем алгоритм действий. Со второй половины второго абзаца не появляется ни одной обособленной фигуры, люди выступают группами (Л. Т., с. 3).

В «Севастополе в декабре месяце» воссоздано эпическое мироощущение, охватившее всех защитников города: чувства военных, жителей города и приезжих аналогичны. Эпическое в этом очерке – в самой точке зрения на войну, в оправдании военных действий, направленных на защиту родины.

В первом очерке эпический автор проводит повествователя через испытания войной и «руководит» его действиями. Доверительно беседуя с читателем, повествователь меняет реестр ценностей и приобщается к «мы» на национально-героической основе. Севастополь синхронно и одинаково воздействует на всех. Понимание происходящего, приобщение к русскому духу истинное у тех, кто защищает город с начала военных действий, и поверхностное у недавно прибывших. Повествователь и читатель появляются в Севастополе одновременно, поэтому происходит совпадение фаз их внутреннего развития.

Сначала повествователь – сторонний наблюдатель, ожидающий увидеть «книжные» героические события и воспринимающий защитников города в романтическом ореоле. Близость врага, ощущение царящего в Севастополе единого эмоционального настроя наполняют душу повествователя мужеством, гордостью, сопричастностью с «мы», но эта сопричастность пока иллюзорна. Повествователь чувствует несоответствие своего «книжного» настроя и приземлённой картины увиденного, а потому его неприятно удивляет равнодушие жителей города к разрыву бомб; его коробит беспорядок, когда на фоне атрибутов смерти продолжается обычная жизнь: продают булки и сбитень, ездят телеги с сеном. Своё непонимание происходящего повествователь экстраполирует на жителей города. Упрекая себя в восторженности, повествователь начинает сомневаться в справедливости своих представлений о героизме защитников Севастополя. Происходит обособление «я» от «мы». Уверенность в том, что за «мы» стоит высшая правда, и желание обрести чувство единения с защитниками города заставляют повествователя взглянуть в их лица, и он осознаёт, что у людей нет беспомощности и суетливости: защитники города живут привычной для них жизнью и спокойно, самоуверенно и равнодушно исполняют свой долг. Глядя в глаза защитников и вслушиваясь в их речи, повествователь убеждается «в невозможности взять Севастополь... поколебать... силу русского народа» (Л. Т., с. 16). Залог успешной обороны города повествователь видит в особой черте русского национального характера – в его несгибаемости.

Описание осаждённого города начинается с госпиталя, через большое горе. Повествователь хочет понять, что чувствует глубоко страдающий человек. Чувство, удерживающее повествователя на пороге госпиталя, он называет дурным. В госпитале он видит солдата, который после ампутации буднично и кратко говорит о своём ранении, а хозяйка с пафосом и восторгом рассказывает про его четырёхнедельные страдания; солдат же стыдится её слов. Русские солдаты, убеждается повествователь, сдержанны в выражении чувств и неспособны

к фразёрству. Начиная видеть за обыденными словами солдат великие героические свершения, повествователь испытывает глубокое уважение к раненому, стыдится себя, склоняется перед «молчаливым, бессознательным величием и твёрдостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством» (Л. Т., с. 7) и начинает воспринимать чужие страдания как собственные, а защиту родины – как свою миссию. Приобщение повествователя к национально-героическому началу передано без патетики, что соответствует духу русских.

У повествователя меняются былые оценки происходящего. Похороны офицера и канонада теперь кажутся ему красивыми и воинственными; вывески лавок, поведение купцов, женщин, щеголеватых офицеров внушают ему мысли «о твёрдости духа, самоуверенности, безопасности жителей» (Л. Т., с. 10). Повествователь полагает, что он отказался от эгоизма и страха смерти и сможет пойти на бастионы, но его останавливает «подленький голос при виде опасности» (Л. Т., с. 12). Увидев бежавшего смеявшегося солдата, повествователь невольно стал подражать ему. Во время сражения у повествователя возникает чувство, что снаряд летит в него; но солдаты не обращают внимания на стрельбу, и повествователь скрывает свой страх. Привыкнув к бесстрастности солдат, повествователь поражается их мщению врагу и радости при убийстве неприятеля и сам начинает испытывать те же чувства. Повествователь прошёл через испытания, которые закалили защитников города, и уже иначе относится к жизни. Раньше выстрелы пугали повествователя; теперь же, на самом опасном четвёртом бастионе, звуки летящих бомб кажутся ему равномерным и приятным посвистыванием, а разрывы бомб – звенящими. Когда же повествователь увидел матроса, у которого была вырвана часть груди, то ещё раз испытал ужас; прочитав на лице раненого восторженную, высокую и невысказанную мысль, повествователь вновь поэтизирует опасность.

Когда повествователь убеждается в негибкости защитников города и видит на их лицах простоту и упрямство, отражение высоких мыслей и чувств, он перестаёт обращать внимание на ядра и пули, начинает ценить естественное поведение человека на войне и идёт со спокойным, возвысившимся духом, оценивая всё с позиций защитников города; повествователь понимает, что людьми движет «чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине» (Л. Т., с. 16).

Поглощённость общим делом, готовность защитников города умереть за свободу Родины сродни высоким образцам эпоса. Повествователь воспринимает всё происходящее в Севастополе в декабре 1855 г. как события эпического масштаба и сравнивает защитников города с эпическими героями.

В «Севастополе в декабре месяце» Толстой выходит на уровень большого эпоса и изображает характер целого народа. В начале очерка *народ* – люди, находящиеся в городе; постепенно понятие *народ* наполняется национально-героическим смыслом, и все находящиеся в городе становятся его защитниками. В предпоследнем абзаце повествователь поднимается до эпических обобщений относительно духа защитников Севастополя и, ощущая себя частицей этого коллектива, сам превращается в эпического героя. В последнем абзаце очерка народ, защищающий город, сплочён стремлением отстоять родину и ощущением кровного родства с людьми своей национальности; народ воплощает всё самое лучшее, открытое повествователем в защитниках Севастополя.

Первый очерк, насыщенный сценами страдания и смерти, начинается и завершается морским пейзажем. В начале очерка море – опасное существо, грозящее гибелью (Л. Т., с. 3). Описан восход солнца, которое будет освещать не радостный грядущий день, а похороны окровавленных покойников. На протяжении всего очерка солнце не проникало в воюющий город, обречённый на умирание. В конце очерка, вечером, реалии войны исчезают, возникает ощущение, что на бытийном уровне нет и не может быть войны, противоречащей гармонии природы, и тогда появляется солнце: *Солнце... осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью. <...> По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им* (Л. Т., с. 16–17). Первый и последний абзацы очерка объединяет контрастное сочетание взаимопереходящих друг в друга мирной и военной жизни: в первом абзаце выстрелы «блокируют» возможность гармонии; в последнем абзаце доминирует мирная жизнь.

Севастополь в мае

В «Севастополе в мае» утверждается – методом от противного – необходимость общенационального единения и возвращения к эпическим образцам.

После четырёхмесячного пребывания в осаждённом городе люди начинают бояться за свою жизнь и хотят уцелеть любой ценой; человеческие отношения строятся на зависти, презрении и тщеславии. Всех людей охватывает единое чувство, на сей раз антиэпическое. В городе царит всеобщее обособление, офицеры лишь на словах готовы умереть за родину, желают наград за бездействие и относятся к защите родины как к тягостному долгу, которым можно пренебречь. Всё это усиливает невозможность раскаяния людей, преступивших «великий закон любви и самоотвержения» (Л. Т., с. 59). Действующие лица второго очерка внутренне несостоятельны:

- Праскухин – «пустой, безвредный человек» (Л. Т., с. 59);
- Михайлов – неловкий и робкий, «с ограниченным взглядом» (Л. Т., с. 59);
- Пест – «ребёнок без твёрдых убеждений и правил» (Л. Т., с. 59).

Преимущественное внимание повествователя сосредоточено на изображении офицеров; образы солдат эпизодичны. Офицеры лишены естественности, простоты, искренности, беспокойства за судьбу родины. После дела, унёсшего много человеческих жизней, офицеры сохраняли на лицах официальное выражение печали, хотя хотели бы видеть такое дело, «с тем, чтобы только каждый раз получать золотую саблю и генерал-майора» (Л. Т., с. 53).

У офицеров «нерусская храбрость», что подчёркивает повествователь: *cette belle bravoure de gentil-homme* (Л. Т., с. 30), *bravoure de gentil-homme* (Л. Т., с. 59), давая в скобках ироничный перевод: *блестящая храбрость*. Перевод французских словосочетаний профанирует семантику¹. Так, Калугин, хваставшийся, что не погибает при разрыве снарядов, без свидетелей почти ползком пробирался

¹ Уже в трилогии «Детство. Отрочество. Юность» проявилось неприятие Л.Н. Толстым напыщенного притворного французского отношения к жизни. Так, реплики на французском языке звучали диссонансом на фоне русской речи и были чужды Николеньке. Подробнее об этом см [17]. Негативное отношение к французской речи сохраняется у Толстого и в «Севастопольских рассказах».

по траншее; у него перехватило дыхание от страха; генералу же он сказал, что якобы быстро шёл, а потому запыхался.

Чувства солдат также притупились за время обороны города. Никто, кроме повествователя, не воспринимает происходящее как сумасшествие и не жалеет о гибели людей. Ни за кем из персонажей не монополизирована истина. *Все хороши и все дурны* (Л. Т., с. 59), – заявляет Толстой, обосновывая всеобщую непротивопоставленность людей в хорошем и плохом, высоком и низком.

Повествователь видит подоплёку всех действий и душевных движений персонажей. «Диалектика души» становится универсальным эпически всеобъемлющим методом исследования характера человека. Чем неприятнее повествователю персонаж, тем меньше его мыслей и чувств будут озвучены, при этом редуцированно воспроизведённые мысли героя психологически столь же убедительны, как и пространный внутренний монолог. Повествователь глубоко прочитывает чувства и мысли персонажей, – и все люди становятся равноправными. Выявляя истинные мотивы поступков людей, повествователь видит, что все хотят скрыть страх смерти и лгут, желая казаться храбрее, считают себя храбрецами за вынужденное пассивное участие в военных действиях: Пест чувствует себя героем, проведя лишь одну ночь в блиндаже; Гальцин мнит себя храбрецом, увидев лопнувшую бомбу. Ложь, которая была в мыслях и поступках офицеров во время военных действий, сохраняется и в мирной жизни.

Повествователь убеждается, что поведение человека складывается из противоречивых желаний и зависит от ситуаций; человек может быть и трусом, и храбрецом, и порядочным, и негодяем, и любое из этих определений отразит лишь одну из граней его характера. Гальцин и Калугин ведут себя как надменные аристократы, с оскорбительной учтивостью относящиеся к окружающим. В то же время в узком кругу друзей они могут держаться без «смешной надутости, высокомерности» (Л. Т., с. 29). В Калугине такой конгломерат противоречивых черт характера, что сложно увидеть его истинное «я».

Человек по-разному воспринимает себя в зависимости от того, ранен он или нет. Во время атаки Пест ничего не помнил от испуга; когда он случайно заколол француза, то затрясся, как в лихорадке, и бросил ружье. Осознав, что не ранен, а совершил героический поступок, Пест схватил ружьё и с криком «Ура!» побежал в толпе людей. Когда Михайлова ранило, он испытал бессознательную радость оттого, что жив, и желание скорей уйти с бастиона. Мысль о том, «с раной остаться в деле – непременно награда» (Л. Т., с. 50), заставляет его храбриться. Видя, как убивают других, Михайлов чувствует себя героем и идёт на перевязочный пункт с надеждой на представление к награде. Калугин, проведя на бастионах часов пятьдесят, постоянно испытывает затмение и глупый страх, но с насмешливостью встречает отказ капитана идти с ним на передовую. Тот капитан за шесть месяцев пребывания на бастионе понял, «как мало ему оставалось случайностей жизни... не рисковал этими случайностями без строгой необходимости» (Л. Т., с. 42) и превратился в умудрённого человека, слился с жизнью одной из самых опасных батарей. Во многом благодаря таким простым, честным людям Севастополь ещё находил силы обороняться. До понимания истинной храбрости многим офицерам предстоит пройти долгий путь отказа от своих прежних представлений. Открыв, что людей может объединять

не только высокое героическое, но и приземлённое, негативное, будучи убеждён в стадильном развитии людей, **Л.Н. Толстой соединяет злые истины о человеке со страстной верой в должную красоту его души.**

Война провоцирует в людях развитие самого плохого и препятствует установлению гармонии. Мотив осуждения войны достигает кульминационного развития в 16-й главе очерка. Описав ужас ребёнка при виде трупов, Толстой говорит о забвении людьми добра и сострадания, взывает опомниться и прекратить бойню (Л. Т., с. 59).

Описание природы впервые появляется в «Севастополе в мае» только в 14-й главе, после окончания побоища, когда «сотни свежих окровавленных тел людей... с окоченелыми телами, лежали на росистой цветущей долине» (Л. Т., с. 52). На земле – страдания и стоны раненых, сотни неубранных трупов, – а на небе вновь «загорелась зарница над Сапун-горою, побледнели мерцающие звезды, потянул белый туман с шумящего тёмного моря, зажглась алая заря на востоке, разбежались багровые длинные тучки по светло-лазурному горизонту, и... обещающая радость, любовь и счастье всему ожившему миру, выплыло могучее, прекрасное светило» (Л. Т., с. 52–53). Далее читаем: *Прекрасное солнце спускается к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотых лучах солнца* (Л. Т., с. 59). Вечная прекрасная природа с её изначальной гармонией – укор людям, забывшим добро и извратившим красоту, заповеди Бога. В «Севастопольских рассказах» Толстого солнце символизирует жизнь, утверждает бессмертие человечества, внушает любовь к жизни. Солнце, появившееся на закате в конце второго очерка Толстого, – амбивалентный образ, соединивший надежду и обречённость, спокойствие и тревогу, ожидание нового этапа бойни.

Севастополь в августе 1855 года

В «Севастополе в августе 1855 года» показан тернистый путь преображения персонажей второго очерка в высоких героев первого очерка, уверенных в себе защитников Родины. В третьем очерке обретение человеком единства с «мы» драматичнее. В неприступности Севастополя сомневаются все его защитники. Осознание бессмысленности войны, страх и желание уцелеть любой ценой движут почти всеми. Дисциплина в армии держится на случайности. Процветает лихоимство. Люди пьянствуют, чтобы забыть ужас происходящего. Словом, прогрессирует «сознание одиночества и всеобщего равнодушия» (Л. Т., с. 85). В такой атмосфере сложнее стать героем, достойным образцов эпоса, но именно такую эволюцию переживают участники обороны Севастополя.

Первая и вторая главы этого очерка – экспозиция, представляющая Михаила Козельцова и солдат². Михаил торопится вернуться после ранения из госпиталя; два солдата не спешат нагнать свой полк и советуют третьему солдату поступить так же, но он направляется в Севастополь.

В очерке восемь микроциклов, состоящих из трёх глав. Микроцикл строится 1) на саморазвивающейся идее, связанной с предшествующей, или 2) по принципу контраста/параллелизма, а также 3) на объединяющей людей ситуации, важной для сюжета очерка. Когда идея проходит полный круг своего развития

² Подробнее об этом см. [18].

или заканчивается микрокульминационное событие, микроцикл заканчивается, в последующем микроцикле реализуется новая идея.

В первом микроцикле (главы 3–5) показано, как человек становится трусом. Один офицер на словах негодовал из-за отсутствия лошадей для поездки в Севастополь, но был рад этому: шесть месяцев назад он рвался в бой, но, ожидая направления на фронт, перегорел и стал жесточайшим трусом.

Второй микроцикл (главы 6–8) – своеобразное отрицание первого: здесь доказывается преодолимость страха. В 6-й главе Михаил на вопрос Володи, страшно ли на бастионах, говорит, что страшно лишь вначале. В 7-й главе Володя боится ехать в Севастополь и хочет отложить поездку. В 8-й главе, по дороге в Севастополь, он представляет, что, перебив много французов, умирает возле окровавленного трупа брата. В детских мечтах Володя преодолевает страх смерти и предугадывает героическую гибель брата и свою собственную.

В третьем микроцикле (главы 9–11) Володя видит разрушенный город, слышит рассказы о гибели его защитников; у юноши исчезает героическое чувство самодовольства, возрастают страх и желание спастись. В 11-й главе он со страдальческим выражением смотрит на раненых и чувствует подавленность.

В следующем микроцикле (главы 12–14) показано внутреннее перерождение Володи: он стал презирать собственную трусость. В главе 14 Володя попросил Бога избавить его от позора и научить, что делать, после чего его «запуганная, ограниченная душа вдруг возмужала, просветлела и увидела... светлые горизонты» (Л. Т., с. 90), и юноша беспечно заснул под разрывы бомб.

Пятый микроцикл, в котором изображены Михаил и тягостная атмосфера в армии, также заканчивается утверждением потенциальной возможности перехода человека в героическую ипостась. В конце 17-й главы говорится, что даже в самом мелочном человеке в роковую минуту вспыхивает благородная искра.

В главах 18–20 Володя сталкивается с теми же ситуациями, что были в пятом микроцикле: с фальшью во взаимоотношениях офицеров, с их никчёмными разговорами. Юноша, внутренне готовый к великим свершениям, не приемлет такого недостойного отношения к жизни.

В следующем микроцикле в солдатском блиндаже Володя ощущает покой и уют, которые были у него в детстве при игре в прятки. Солдаты уважительно относятся к нему, и Володе становится не страшно, а весело и приятно.

В последнем микроцикле (главы 24–26) изображены сражение и гибель обоих братьев. Перед сражением Михаил, при его мелкой даровитости, испытал невольный страх, но преодолел его и поднял в атаку роту, с которой был духовно связан. Михаил знал, что его убьют, и это придавало ему храбрости. За оставшиеся полчаса жизни смертельно раненый Михаил испытал отрадное чувство самодовольства от осознания хорошо исполненного долга. Его чувства и поведение совпадают с переживаниями раненых солдат в первом очерке.

Володя превратился из юнца в солдата, стал воспринимать смерть за родину как естественную участь всех солдат и представлял, как погибнет в бою. Сначала Володя воображал романтическую смерть, потом стал панически бояться смерти, к началу сражения успел «перебоиться», во время сражения забыл об опасности, поднялся против двадцати французов и мгновенно погиб. Володя, в отличие от брата, не успел испытать «невыразимый восторг сознания того,

что он сделал геройское дело» (Л. Т., с. 114–115). Оба брата умирают как эпические герои. В едином микроцикле посмертно пересекаются судьбы двух братьев, их судьбы переплетаются с судьбами павших за родину.

Сражение изменяет даже жалкого труса Вланга, который советовал Володе не выходить из блиндажа, потому что «там беспрерывно падают ядра» (Л. Т., с. 108). Во время сражения Вланг преобразается, в нём вспыхивает благородная искра, и он вдруг хватается в руки хандшпуг и «с яростным выражением лица и опущенными зрачками» (Л. Т., с. 116) бросается вперёд; его яростная фигура озадачивает неприятеля, и тот невольно приостанавливается.

Степень включённости природы в жизнь сражающегося города сужается к концу очерка. В 9-й главе братья Козельцовы с горы смотрят на бухту с белыми, лиловатыми облаками дыма, и на синее небо, и на розоватые лучи солнца, отражающиеся и спускающиеся к горизонту тёмного моря. Всё это внушает Володе умиротворение и надежду на победу. С 10-й главы в описание природы настойчивее вторгаются реалии войны, природа становится тревожной и хочет уберечь Володю от смерти: *...Всё говорило ему, чтобы он не шёл дальше, что не ждёт его здесь ничего доброго* (Л. Т., с. 82). В разрушенном городе юноша видит лишь жалкие, запylённые листья акаций, чувствует одиночество и всеобщее равнодушие. Описание природы вновь появляется в 14-й главе, после окончания побоища: как и во втором очерке, на земле – страдания и стоны раненых, неубранные тела, а на светло-лазурном горизонте неба, обещающем всем радость, любовь и счастье, встаёт могучее, прекрасное светило, в лучах которого блестит море; вечная природа с её изначальной гармонией – укор людям, забывшим заповеди Бога. Природа пронизывается войной и смертью; война вытесняет природу, – в 24-й главе изображение природы уменьшается и сливается с описанием войны. В 25-й главе картина природы появляется лишь один раз и наполняется смертью. В 27-й главе природа самая беспокойная, бунтующая (Л. Т., с. 118), она, как и защитники Севастополя, протестует против приказа сдать город врагу. Севастополь, из которого уходят его защитники, переживает агонию умирающего. Сведённое к минимуму описание природы включает лишь изрытую обсыпавшуюся землю и ямы, до половины засыпанные землёй. Искорёжена и уничтожена поверхность земли, но не море. Войско русских сравнивается с ночным тревожным морем. Третий очерк заканчивается внешним поражением защитников города при их моральной победе. Все оставляющие Севастополь солдаты испытывают одно «чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу» (Л. Т., с. 119), горечь в сердце, ненависть к врагу и страстное желание отомстить ему. В третьем очерке люди вновь сплочены чувством эпической непреклонности, которое испытали герои первого очерка; но чувство, высказанное в роковую минуту смертельной опасности, сильнее объединяет людей, готовя их к предстоящему общенациональному противостоянию врагу. Мобилизация всех сил, не приведшая к внешней победе, есть поведение героическое. Мужественная непреклонность в поражении, внутренняя готовность к грядущей битве с врагом – более сильное чувство, чем стойкость морально и физически сильных защитников первого очерка.

Итак, в «Севастопольских рассказах» при изображении войны Л.Н. Толстой занят поиском эпических начал бытия, которые приведут к общенациональному

единению. Выявляя истинную храбрость и героизм защитников Севастополя, Толстой показывает приобщение «я» к «мы» на национально-героической основе. В «Севастополе в мае» Толстой вскрывает причины, приведшие к поражению. Люди, разъединённые завистью и тщеславием, не могут защитить Родину. Здесь, во втором очерке, человек трагически не соответствует эпическим образцам. Толстой, используя «диалектику души» по отношению ко всем персонажам очерка, видит в каждом человеке задатки добра и зла, единство внутреннего ничтожества и духовного богатства, выявляет разные виды человеческого единения – единения в плохом и хорошем, низком и возвышенном. Жестокости и бесчеловечности войны Толстой противопоставляет природу с её изначальной гармонией. В «Севастополе в августе» происходит становление нового эпического интегрирующего начала, которое по своей силе и сплачивающему началу более весомое, чем в первом очерке: моральная непреклонность людей, терпящих физическое поражение, – залог высшего общенационального единения ради свободы родины. Покидающие Севастополь защитники города отождествляются с разгневанной морской стихией. Монологическая речь повествователя в первом очерке уступает место композиционному соотношению независимых относительно друг от друга точек зрения действующих лиц и повествователя во втором очерке. Микроциклизация третьего очерка отражает стремление Толстого к математически выверенной гармонии художественного целого, к «внутренним рифмам», тенденцию к всеобъемлющему рассмотрению идеи при чёткой её сбалансированности с общей проблематикой произведения.

Развитие большинства идей в ранних произведениях Л.Н. Толстого, становление эпического проходит три этапа: 1) «утверждение», то есть создание первой модели мироотношения; 2) «отрицание», то есть отход в сторону от достигнутого и поиск иных путей мироотражения; 3) «синтез» двух первых этапов и рождение принципиально новой, чисто толстовской структуры. Севастопольский цикл Л.Н. Толстого, на наш взгляд, представляет своеобразную триаду, где эпическое объединяющее начало первого очерка (этап «утверждения») сменяется трагическим несоответствием эпическим образцам во втором очерке (этап «отрицания»); в «Севастополе в августе» показано становление человека, приходящего к эпическому мироотношению (этап «синтеза»).

Источники

Л. Т. – *Толстой Л.Н.* Севастопольские рассказы // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. – М.: Худож. лит., 1935. – Т. 4. – С. 3–119.

Литература

1. *Карлова Т.С.* Мастерство психологического анализа в ранних произведениях Л.Н. Толстого. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 100 с.
2. *Колмаков Б.И.* Жанровое многообразие творчества Л.Н. Толстого. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – 150 с.
3. *Кадыров О.Х.* Роль Л.Н. Толстого в становлении и развитии татарской реалистической литературы: Дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1996. – 330 с.
4. *Кадыров О.Х.* Г. Тукай – переводчик Толстого. – Казань: КГУКИ, 2007. – 120 с.

5. *Бушканец Е.Г.* Юность Льва Толстого. Казанские годы. – Казань: Kazan-Kazan, 2008. – 142 с.
6. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Книга первая: Пятидесятые годы. – Л.: Прибой, 1928. – 416 с.
7. *Краснов Г.В.* Севастополь и «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого в творческой истории романа «Война и мир» // Учен. зап. Горьк. ун-та. – 1954. – Вып. XXVI. – С. 171–192.
8. *Лебедев Ю.В.* Л.Н. Толстой на пути к «Войне и миру» (Севастополь и «Севастопольские рассказы») // Рус. лит. – 1976. – № 4. – С. 61–82.
9. «Молодой Л.Н. Толстой»: Сб. докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та и 160-летию со дня приезда Л.Н. Толстого в Казань. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 140 с.
10. «Молодой Л.Н. Толстой»: Сб. докл. II Всерос. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – 139 с.
11. *Лескис Г.А.* Лев Толстой (1852–1869). – М.: ОГИ, 2000. – 639 с.
12. *Ветшьева Н.Ж.* «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого: хронотоп великой эпопеи // Лев Толстой и время: Сб. ст. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2010. – С. 114–121.
13. *Бурнашева Н.И.* Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. – М.: МИК, 1999. – 336 с.
14. *Гридунова Ю.В.* Сакрально-символический смысл опорного (ключевого) слова «смерть» в художественном тексте: на материале «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого и рассказа И.С. Тургенева «Смерть» // Русская словесность: теория и практика: Межрегион. сб. науч. ст. – Липецк: ЛГПУ, 2002. – С. 137–148.
15. *Кондратьев А.С.* Религиозно-философский аспект антропологии Л.Н. Толстого // Русская литература и философия: постижение человека: Материалы Всерос. науч. конф. (Липецк, 16–17 окт. 2001 г.). – Липецк: ЛГПУ, 2002. – С. 70–75.
16. *Парахин Ю.И., Парахина Е.Ю.* Л. Толстой: Россия на пути к книге Бытия. Л. Толстой и Ясная Поляна: Новое, парадоксальное о Л.Н. Толстом и духовности России. – Тула: Тульский полиграфист, 1998. – 327 с.
17. *Косилкина О.В.* Образы «немецкого мира» в трилогии тревожных исканий Л.Н. Толстого // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста: Материалы Межвуз. науч.-практ. конф. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002. – Вып. 7, Ч. 1. – С. 102–105.
18. *Масолова Е.А.* Раннее творчество Л.Н. Толстого (1850-е – начало 1860-х годов): становление эпического. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. – 156 с.

Поступила в редакцию
14.12.15

Масолова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, д. 20, г. Новосибирск, 630073, Россия
E-mail: masolova@list.ru

The Evolution of the World's Epic Conception in L.N. Tolstoy's "Sevastopol Sketches"

E.A. Masolova

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, 630073 Russia
E-mail: masolova@list.ru*

Received December 14, 2015

Abstract

The evolution of the world's epic conception in "Sevastopol Sketches" written by L.N. Tolstoy is considered.

Based on the analysis of the ratio of paragraphs in "Sevastopol in December", it can be affirmed that the epic component in the first sketch is represented in justification of the war aimed at defense of the motherland. The "growing up" of the narrator and his awareness of what is taking place in the world are shown as the epic events. The epic component of "Sevastopol in December" turns all the city's defenders into high epic heroes. A temporary loss of faith in people unity gives a way to the consolidation of the concept of "we". At the beginning of the sketch, the concept of "people" involves all people in the city. At the end of the sketch, this concept comprises an inseparable body of city defenders. In the first paragraph of the sketch, the war eliminates harmony, but peaceful life dominates in the last paragraph of the sketch.

"Sevastopol in May" deals with the problem of incompatibility of a human with the epic models. Furthermore, a single criterion for appreciation of people is suggested. The "dialectics of soul" in the second sketch is combined with the high mood of the epic heroes from the first sketch. The conclusion is made that people are united by the components of both elevated heroism and negativity of the world.

"Sevastopol in August" shows the complexity of transformation of a human toward the world's epic conception. The first two chapters of the sketch are treated as an exposition of Mikhail and soldiers. It is shown that there are eight micro cycles in the sketch consisting of three chapters connected by the principle of parallelism/contrast or a situation uniting people. In the first microcycle, the characters become cowards. In the second microcycle, they overcome fears. In the third microcycle, these fears dominate. In the fourth microcycle, Volodya overcomes his fear. In the fifth microcycle, every person gets a chance to become a hero. In the sixth microcycle, Volodya rejects the lies among officers. In the seventh microcycle, he feels calm among soldiers. In the eighth microcycle, both brothers die heroically. The nature and defenders of the city protest against the surrender of Sevastopol. The fearless courage in defeat is stronger than the fortitude of soldiers from the first sketch.

The conclusion is made about the three-phased idea of L.N. Tolstoy's artistic thinking.

Keywords: world's epic conception, incompatibility with epic models, national unity, microcycling, role of nature

---

⟨ **Для цитирования:** Масолова Е.А. Становление эпического в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 133–145. ⟩

⟨ **For citation:** Masolova E.A. The evolution of the world's epic conception in L.N. Tolstoy's "Sevastopol Sketches". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 133–145. (In Russian) ⟩